

Куссе Хольгер

Технический университет,
Германия, Дрезден, D-01062
holger.kusse@tu-dresden.de

Чернявская Валерия Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19
tcherniavskaia@rambler.ru

Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике

Для цитирования: Куссе Х., Чернявская В. Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (3): 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.307>

Культура анализируется как неоднозначное, во многом мозаичное понятие, находящееся в точке пересечения исследовательских интересов ряда наук: культурной антропологии, семиотики, социологии, теории дискурса. Язык в культурном контексте традиционно описывают прагмалингвистика, лингвистика текста, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, а также узкоспециализированные направления лингвистического анализа, а именно: гендерная лингвистика, политическая лингвистика, аргументативная лингвистика, теолингвистика, выделяющие в анализе определенные культурно-специфические отличия внутри специальных сфер коммуникации. Исходной посылкой представленного анализа является признание того факта, что в современном исследовательском контексте сложились различные научные школы и национальные традиции изучения культуры. В рамках статьи ставится цель показать методологические различия в исследованиях взаимосвязи языка и культуры. Методологический контекст анализа задан двумя основными тенденциями и исследовательскими направлениями, которые определяются в статье как «описание языка как культурного явления» versus «описание культуры как языкового явления». Основной исследовательский вопрос заключается в том, какие процессы и взаимосвязи между фактами и явлениями можно анализировать и объяснять, опираясь на понятие «культура». Показываются точки соприкосновения культуры как объекта анализа и идентичности, идеологии — других самостоятельных научных объектов. Авторами предлагается объяснительный подход к культуре с позиции культуроведческой дискурсивной лингвистики, исходя из того, что культура поддается операциональному анализу только и именно как дискурсивный конструкт. Культуру следует понимать как процесс социального конструирования: это продукт, возникший в процессе социально распространяемого надличностного знания. Внутри социальных практик устанавливаются ориентиры, принимаемые участниками коммуникативно-речевой деятельности в социуме. Эти границы обеспечивают социальное взаимодействие, осуществляя сбалансированное равновесие между зафиксированными нормами и гибким подвижным процессом их формирования и изменения. Операционализация культуры как комплексного явления подчеркивает тенденцию к семиотической комплексности

в изучении человеческой деятельности, к дальнейшей прагматизации лингвистического анализа.

Ключевые слова: культуроведческая лингвистика, лингвистика дискурса, Вильгельм фон Гумбольдт, идеология, идентичность.

Введение

Культура рассматривается как совокупность достижений материальной и духовной деятельности человека, формы и способы организации человеческого познания и коммуникации. Это набор правил, предписывающих и одновременно ограничивающих представления о должном и допустимом поведении и взаимоотношении индивидуумов в обществе. Эталонной дефиницией культуры в таком понимании можно считать определение американского антрополога У. Гуденау, ср. в оригинале:

A society's culture consists of whatever it is one has to know or believe in order to operate in a manner acceptable to its members, and do in any role that they accept for any one of themselves. Culture ... does not consist of things, people, behavior or emotions. It is rather an organization of these things. It is the forms of things that people have in mind, their models for perceiving, relating and interpreting them [Goodenough 1964: 36].

В приведенном определении выделим в качестве ключевых три аспекта, которые будут лежать в основе последующих рассуждений:

- ментальный уровень является основополагающим и исходным в понимании культуры;
- культура работает — актуализируется — в социальном контексте как набор правил для членов какого-либо общества;
- культура оформляется — получает ту или иную зафиксированную форму, следовательно, опирается на семиотические ресурсы для своего выражения.

Таким образом, культура — центральное понятие, находящее в точке пересечения исследовательских интересов многих наук гуманитарного и естественнонаучного цикла. В современном исследовательском контексте культура описывается как семиотическая система, развивается семиотический подход, заложенный в работах Э. Кассирера, Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, В. В. Иванова, В. Н. Топорова и др. Культура, как правило, изучается в неразрывной связи с языком. Исследование культуры поэтому рассматривается многими как составляющая лингвистики. Вообще, современная лингвистика как прикладная наука позиционирует себя культурно-ориентированной дисциплиной. Язык в культурном контексте традиционно описывают прагмалингвистика, лингвистика текста, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, а также оформившиеся узкоспециализированные направления лингвистического анализа — гендерная лингвистика, политическая лингвистика, аргументативная лингвистика, теолингвистика, выделяющие в анализе определенные культурно-специфические отличия внутри специальных сфер коммуникации.

Одновременно культура связана с коммуникацией, и ее изучение ориентировано на социологические концепции, объясняющие культурные и языковые явления внутри социальных практик. Культура анализируется как динамический,

процессуальный феномен, как дискурсивный конструкт. В рамках социолингвистики культуры рассматриваются с точки зрения особенностей их проявления и функционирования в разных общественных сферах — социальных практиках. В этом направлении говорят о политической, религиозной, научной, экономической, правовой и других культурах.

Сложились различные научные школы и национальные традиции изучения культуры. В англо-американской традиции развивается антропологическая лингвистика, или лингвистическая антропология (Anthropological Linguistics, Linguistic Anthropology), продолжающая направление, заданное Ф.Боасом, Э.Сепиром, Б.Уорфом, Д.Хаймсом, А.Дуранти. В немецкой научной традиции представлены исследования в области культуроведчески ориентированной лингвистики (Kulturwissenschaftliche Linguistik). Авторы, не принадлежащие к англо-американской традиции, в публикациях на английском языке предпочитают термин «этнолингвистика» (Ethnolinguistic). Развивается также культур-лингвистика (Cultural Linguistics) как синтез когнитивной и антропологической лингвистики. Широко известны работы А.Вежбицкой, посвященные культурной семантике. Специалистами атрибутируется как самостоятельная дисциплина лингвокультурология, или, в другой терминологии, культурологическая лингвистика. Это понятие принято главным образом в русскоязычной лингвистике. Вместе с ним в публикациях представлены междисциплинарные симбиозы, например этнопсихолингвистика, по Ю. А. Сорокину, Н. В. Уфимцевой, В. В. Красных и др.

Анализируя связь языка и культуры, мы считаем корректным термин «культуроведческая (не культурологическая!) лингвистика». Статья не ставит цель обосновать дисциплинарный статус культуроведческой лингвистики и представить ее методы, терминологический аппарат и междисциплинарные связи с другими лингвистическими направлениями. Это сделано в других работах, см. напр.: [Куссе 2016; Кузе 2012, 2014, 2015].

Постановка проблемы

Культура связывает несколько основополагающих для гуманитарных наук понятий: *идентичность, ментальность, коммуникация, дискурс* — их изучение происходит сегодня в тесной связи с понятием *культура*. Одновременно с этим возможно констатировать, что культура входит в круг тех понятий, которые широко и во многом мозаично употребляются в потоке публикаций и подвержены определенной научной конъюнктуре. В рамках статьи ставится цель показать и обосновать методологические различия в исследованиях взаимосвязи языка и культуры. Методологический контекст представляемого анализа задан двумя основными тенденциями и исследовательскими направлениями, которые мы схематично определяем как «описание языка как культурного явления» versus «описание культуры как языкового явления». Анализ решает в этой связи следующие исследовательские задачи: а) показать, объектом каких современных научных направлений является культура; б) обозначить дискуссионные и открытые исследовательские вопросы при определении содержания понятия *культура*; в) выявить, как связаны в исследовательской перспективе понятия *культура, идентичность, идеология*.

Основной исследовательский вопрос заключается в том, какие процессы и взаимосвязи между фактами и явлениями можно анализировать и объяснять, опираясь на понятие «культура». Аналитический контекст предлагаемых суждений определяется актуальными дискуссиями о размытости и циркулярности («движение по замкнутому кругу») понятия «культура», ограниченного в своих объяснительных возможностях. Констатируется определенное дистанцирование доказательной лингвистики от идеологической нагруженности понятия «культура», см. напр.: [Hauck 2006; Schindler 2002; Spitzmüller 2011, 2013, 2017; Bendl, Spitzmüller 2017].

Методология

Для достижения заявленных целей проведен сравнительный анализ различных теоретико-методологических подходов к изучению культуры в русско-, немецко- и англоязычных публикациях, отражающих разные научные школы и национальные исследовательские традиции; выявлены и обобщены основные результаты, актуальное состояние и тенденции развития в лингвистике, социолингвистике, прагмалингвистике, теории текста и дискурса первых десятилетий XXI в., проанализированы наиболее разработанные проблемы и открытые дискуссионные вопросы.

Результаты

Культура как дискурсивная практика

Вопрос о взаимосвязи языка и культуры является одним из самых активно разрабатываемых в языкознании. В современном исследовательском контексте вообще и в российской и русскоязычной лингвистике в частности этот вопрос получает дополнительную остроту и дискуссионность в связи с тем, что в разных лингвистических направлениях и шире — в разных методологических подходах в гуманитарном знании существуют неравнозначные понимания того, что представляет собой культура.

В языковедческих исследованиях сложились два основных понимания взаимосвязи языка и культуры и, соответственно, два методологических подхода. Первый связан с именем Вильгельма фон Гумбольдта, которому принадлежит классическая, часто цитируемая метафора: «...каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1984: 80; Humboldt 1988: 434]. С именем В. фон Гумбольдта связывается первая эксплицитная формулировка понятия языковой относительности, в соответствии с которой языковые (грамматические) структуры формируют мышление человека. В гумбольдтианском подходе язык представлен в первую очередь как этнический, или национальный, язык и при этом культура понимается как единый этнический и национальный феномен. При этом предполагается прямое языковое и ментальное соотношение между языком и культурой. Такой исследовательский подход реализуется, например, в работе Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура». Так, язык, рассматриваемый в рамках культуры, охватывает, по мнению авторов, три различных

уровня: лексику одного определенного языка в виде своеобразного тематического лексикона культурно-специфических артефактов, коммуникативную деятельность (коммуникативно-речевой этикет) и коллективные нормы и ценности языкового сообщества, которые выражаются в первую очередь в идиоматических единицах [Верещагин, Костомаров 2005]. Таким образом, язык представляется и изучается как трехуровневый феномен. На первом уровне находится собственно языковой материал, а именно лексика. Второй — это уровень использования языка в коммуникативной деятельности. Третий — уровень текстов, транслирующих определенное культурно-специфическое содержание. Принципиально значимо, что такая лингвострановедческая концепция ориентирована на один язык и одну национальную культуру, которые рассматриваются как единство. Подобный подход может быть определен как гумбольдтианский.

Второй подход является дискурсивно-ориентированным, если под дискурсом понимать в первую очередь коммуникацию и правила коммуникации в разных репрезентативных институтах определенного общества. Типология институционально опосредованных дискурсов не является окончательно установленной и в некоторой степени зависит от интереса исследователя. Для дискурсивно-лингвистического подхода характерно описание этнических/национальных языков внутри коммуникативных практик, в рамках институциональных дискурсов — политических, религиозных, экономических, правовых, научных. Дискурсивный подход отталкивается от того, что дискурсы перекрывают этнические/национальные языки, т. е. обладают правилами и регулярностями, которые не определяются этнической (национальной) спецификой. Рассматривается не одна культура и не один язык, но разные сферы коммуникации, нормы и ценности, которые принимаются в повседневной жизни и в различных профессиональных контекстах, экономике, науке, религии и имеют свои прагматические, текстовые особенности.

Гумбольдтианское направление в русскоязычной лингвистике называется рядом авторов лингвокультурологией, тогда как в случае второго направления можно говорить о дискурсивно ориентированной культуроведческой лингвистике. В исследованиях, осуществляющихся в рамках культурологии, культура понимается как некое национальное, или этническое, целое и поэтому именуется посредством этнонимов. В таком смысле можно говорить о русской, немецкой, китайской культурах и т. п. Культуроведческая лингвистика ориентирована на изучение культуры в коммуникативных практиках (подр. см.: [Куликова 2010; Gardt 2003; Gunther, Linke 2006; Kulikova 2011; Kuße 2012; Metten 2014]). Мы принимаем позицию культуроведческой дискурсивно ориентированной лингвистики как концепции, способной объяснять взаимосвязь и взаимодействие процессов и проявлений культурной специфики как конструируемых социальной практикой.

Культура и идентичность

Культура становится ключевым словом и основой для изучения идентичности — другого самостоятельного научного объекта. В точке пересечения с этим понятием культура включается в широкий контекст исследования ценностной ориентации индивида и/или общества и властных отношений в социуме [Irvine, Gal 2000; Spitzmüller 2007].

Идентичность раскрывает, формулируя наиболее общо, «кем и чем является личность». При этом идентификация зависит от множества параметров, принимаемых во внимание личностью — носителем идентичности. Так, в рамках социологии и социолингвистики популярными объектами изучения являются гендерные, этнические, региональные, а также групповые идентичности: национальная идентичность, гендерная, идентичность этнических меньшинств. Детальное рассмотрение всех возможных аспектов изучения идентичности не входит в задачи предлагаемого анализа (аналитический обзор см.: [Молодыхченко 2017; Blommaert 2005: 203–232]). Существенно значимо, что в современных подходах идентичность рассматривается как процесс конструирования идентичности, а не как жесткая заданная категория [Молодыхченко 2017: 123].

Идентичность — результат идентификации, т. е. практического, деятельного определения личностью, кем и чем она является. Основополагающую роль в выражении и конструировании идентичности играет язык. Специалисты указывают, что роль идентификации в формировании идентичности глубоко изучается в теориях, связанных с разграничением личной и коллективной идентичности, например в «теории социальной идентичности, Social Identity Theory». Индивид может мыслить себя как независимый субъект со своими уникальными чертами и особенностями, противопоставляя себя всем остальным индивидам, в том числе и в пределах «своей» группы. Одновременно он может идентифицировать себя со «своей» группой и противопоставлять себя и «свою» группу «чужой» группе. Коллективная (социальная) идентичность всегда реализуется через оценочные смыслы, позволяющие личности установить и поддерживать свою принадлежность к некоторой социальной группе. В таком ракурсе исследователи говорят о возможном напряжении между позициями «свой/чужой» и дискриминации «чужого» [Молодыхченко 2014].

Культура соприкасается с понятием «идентичность» в том, что она характеризует доминирующие мировоззрения, ключевые мнения о должном, часто стереотипные, и связанные с ними коммуникативные практики, формирующие представления личности о самой себе и «своей» социальной группе, внутри которой эта личность осознает себя однородной с другими. В идиоэтническом («гумбольдтианском») подходе к культуре, а точнее, к лингвокультуре система рассуждений часто получает одну определенную направленность — в сторону идеологической контекстуализации культуры, а именно утверждения различий между культурами и фиксированных границ культурной «самости» народа, нации. Подобный подход не принимается безусловно и вызывает возражения специалистов, в большей или меньшей степени резкие. В этой связи показательна точка зрения А. В. Павловой, составителя сборника «От лингвистики к мифу», изданного в 2013 г. в Санкт-Петербурге. Лингвокультурология с ее резким гумбольдтианским характером оценивается как «эвфемистическое обозначение лингвонационализма»: «... отождествление характера языка с характером народа, или национальным характером, нередко приводит к утверждению превосходства родного языка над всеми прочими и как следствие — наложение языкового начала на патриотическое — своего этнокультурного социума над иными». И в более широком обобщении автора, лингвокультурология «... в настоящее время (...) является основным направлением российской лексикологии и семантики, “мейнстримом”, так что в целом можно

говорить о катастрофическом состоянии современного российского языкознания и о его глубокой изоляции от прочего научного мира» [Павлова 2013: 2, 203].

Приведенная цитата характеризует определенную тенденцию, наблюдаемую вовсе не только в русскоязычном исследовательском контексте и академическом теоретизировании. Действительно, можно отметить сильную идеологизированность в использовании понятия «культура». Специалисты говорят о тенденции вытеснения понятий «нация» или «раса» в разного рода политических дискуссиях: «культура» становится на место ключевого слова в утверждении национальной идеи. И если «расовые различия», «национальные интересы» имеют однозначно негативный привкус, осложнены отрицательно-оценочными коннотациями, делающими их использование проигрышным в современном социально-политическом контексте демократических обществ, то апелляция к культуре и культурным ценностям может выглядеть и академически оправданной, и положительно заряженной. Тезис о границах между культурами, о борьбе культур, поддерживаемый в академическом теоретизировании, получает свое экстремистское выражение в лозунгах «Иностранцы, вон!» современных праворадикальных движений в странах Европы. Утверждение культуры как стабильных и зафиксированных в своих границах ценностей/моделей должно становится центральным аргументом в дискурсах, оправдывающих «борьбу культур». Таков вывод, сформулированный среди прочего в монографии немецкого социолога Г. Хаука. Ср. в оригинале:

Der Kulturbegriff hat den Rassebegriff abgelöst... Die Konsequenzen für die Opfer bleiben die gleichen: Kulturen erscheinen (ebenso wie einstmal die Rassen) als wesensmäßig und unabänderlich verschieden und in ihren Verhaltensanforderungen unvereinbar; ein Zusammenleben mit anderen Kulturen kann es deshalb nicht geben – „Ausländer raus!“ heißt es auf der Straße, „Kampf der Kulturen“ in der hohen Theorie [Hauck 2006: 8].

Происходит манипуляция понятием «культура» в праворадикальном дискурсе так называемого идентитаризма — идеологии новых европейских правых движений и партий (напр., *Identitäre Bewegung*, *Identitäre Generation*) в современной Германии, Австрии (см.: [Spitzmüller 2011, 2017; Bendl, Spitzmüller 2017]).

Критический взгляд на растягивание понятия «культура» (как, впрочем, и понятия «идентичность») требует дополнительной методологической рефлексии относительно существа этого понятия в контексте социального конструктивизма. Процесс идентификации, т. е. определения своего и чужого для личности и коллектива, происходит под влиянием внутренних и внешних факторов. Личность может сама определять значимые характеристики своей самости в смысле самоидентификации. Одновременно границы идентичности могут формироваться извне под влиянием внешних наблюдателей. В этом случае возможно говорить о социальном конструировании как навязывании некой социальной роли или позиции, в том числе через поляризацию «своего» и «чужого» (о роли семиотических, прежде всего языковых, ресурсов в манипуляциях см. напр.: [Молодыхенко 2014; Чернявская 2017; 2018]). Взвешенный объяснительный подход возможен только при условии привлечения комплексных исследований, в том числе в социолингвистике, дискурсивной лингвистике, критическом дискурсе-анализе.

Под высказанной в цитате А. В. Павловой критикой нельзя подписаться безоговорочно. Во-первых, потому, что нельзя отрицать существование отличий

и особенностей не только в языке как системе, но и в коммуникативном поведении носителей языка. И во-вторых, нельзя утверждать, что этноориентированный (гумбольдтианский) подход автоматически приводит к героической стилизации определенной национальной культуры и ее носителей. Так, например, А. Вежицкая оценивает инфинитивные конструкции в русском языке типа «Куда ж нам плыть? — А. Пушкин» как выражение иррационализма и фатализма русской ментальности [Вежицкая 2011: 375], что комментируется Б. Норманом следующим образом: «Думается, что такой прямой связи бессубъектных (в том числе инфинитивных) конструкций с особенностями русского национального характера нет, но важная роль этой языковой техники в выражении мысли несомненна» [Норман 2018: 316].

Мы усматриваем проблему не в «лингвонационализме» вообще, но в том, что вывод о связи между основными правилами, особенностями семантики и грамматики и так называемым национальным характером, или менталитетом, в ряде работ слишком поспешен и недоказателен. Следует говорить об объяснительных возможностях и ограничениях подхода. Оправданная критика показывает пределы подхода, но не должна приводить к его полному отрицанию. Нельзя утверждать, что национальной лингвокультуры вообще не существует. Так, правила коммуникативного поведения, связанные с языком, как известно, могут отличаться в разных национальных или этнических культурах. В различных лингвокультурах встречаются специфические текстовые жанры, например жанр русского тоста, который в немецкой культуре не имеет аналогов.

Одновременно обратим внимание на другой существенный аргумент в критике гумбольдтианского этноориентированного подхода, который гораздо сильнее ставит его под сомнение. Культура — это не набор неизменных сущностей, образующих монолит — национальную культуру. В культуре существует внутренняя структура и дифференциация в соответствии с разнообразными сферами коммуникации и коммуникативными событиями. Ответить на вопрос, что такое культура вообще, практически невозможно. Описанию и анализу поддаются конкретные практики — религия, искусство, потребление, повседневное общение, политика и т. д. И только в перспективе различных сфер коммуникации национальная культура поддается идентификации и атрибуции. Подобную мысль выразил немецкий философ Р. Конерсманн:

«Культура вообще» не существует. Есть лишь множество событий и манифестаций, множество аллюзий, разнообразие форм человеческого разума и освоения мира, зафиксированных в словах, жестах, трудах, правилах, техниках. Из этого разнообразия человеческой активности и производства культура предстает как временная и находящаяся в непрерывном движении взаимосвязь менталитета и деятельности, как открытое коммуникативное пространство [Konersmann 2003: 8] (пер. наш. — Х. К., В. Ч.).

Принципиально значимо, с нашей точки зрения, следующее. Целесообразно рассматривать не просто одну культуру и не один язык, но различные сферы коммуникации, которые проявляют лексические, прагматические, текстуальные особенности, порождаемые различными коммуникативными условиями функционирования языка и культуры. Такой подход является дискурсивно ориентированным. Соответственно, культуроведческая лингвистика, ориентированная в меньшей

степени на национальную культуру и в большей степени — на дискурсы как коммуникативные практики, может быть идентифицирована как дискурсивно ориентированная культуроведческая лингвистика. Целесообразно говорить не о русской, немецкой или американской культурах, но о дискурсивных правилах и регулярностях в русской, немецкой, американской и т. д. политике, экономике, иных институциональных формах коммуникации. Коммуникативное измерение культуры получает статус ключевого. В прецедентной формулировке американского антрополога Э. Холла, культура и есть коммуникация (“Culture is communication”) [Hall 1959: 97].

Культура как коммуникация

Знаковый характер всех предметов культуры обуславливает тесную взаимосвязь культуры и коммуникации — культура изучается как часть коммуникации [Antos, Pogner 2003; Schirato, Yell 2000; Schroer 2010]. Долгое время культура ассоциировалась почти исключительно с высокой культурой — музыкой, художественной литературой, живописью и т. д. Подобный редукционистский подход стал объектом критики в так называемые Cultural Studies, которые возникли в 1960-х гг. в Англии. В рамках Бирмингемской школы культурных исследований была разработана широкая концепция культуры, в соответствии с которой культура может включать в себя практически все явления и продукты человеческой жизни вне зависимости от того, являются ли они художественными или техническими, уникальными или повседневными. Все артефакты или объекты реального мира могут стать объектом культуры, если им приписывается культурное значение. В этом смысле понятие «культура» не ограничивается высокой культурой.

В начале научной деятельности бирмингемского Центра современных культурных исследований (Centre for Contemporary Cultural Studies) в центре внимания стояла культура «низких» слоев общества, которые ранее не принимались всерьез. Так, левые политические взгляды на общество (представители Cultural Studies назывались “NewLeft”, «новые левые») связывались с чисто описательными задачами. Эвристическим результатом их деятельности оказалось расширение понимания культуры. В фокус внимания исследователей попали современные предметы бытовой культуры. Так, особенно известным стало исследование о первом кассетном плеере Sony Walkman “Doing Cultural Studies: The Story of the Sony Walkman”.

Благодаря междисциплинарным исследованиям культуры в гуманитарных науках возник исследовательский фокус на взаимосвязи между социально обусловленными, практически функционирующими и ментальными явлениями. Культура является неотделимой от повседневной жизни сферой. Она стала точкой кристаллизации дискуссий о значениях и ценностях. В концепции Cultural Studies эти значения и ценности развиваются не «в народах», а в разных слоях общества, в разных общественно-исторических условиях, в разных общественных практиках. Формируется культурное сознание, культурное понимание и культурная память, которые в комплексе наделяют предметы и явления смыслом. Так, например, плеер был особенно важным артефактом молодежной культуры в 80-х и начале 90-х гг. XX в. Тем не менее нельзя сказать, что плеер является предметом молодежной культуры вообще, предметом бытовой культуры Западной или Восточной Европы, и уж тем более он не является предметом какой-либо этнической или национальной куль-

туры. Репрезентативность этого предмета довольно узкая: он является артефактом молодежной культуры в определенное короткое время. В отличие от этого «классические» артефакты, например известные достопримечательности, символические объекты, какими являются береза или медведь для русской культуры и фольклора, а также иные стереотипные представления, имеют долгосрочный и распространенный характер.

При рассмотрении культуры существенное значение имеет репрезентативность исследуемых объектов. Здесь возникает вопрос: репрезентативность относительно чего? Представляется, что наиболее важной является репрезентативность анализируемого объекта относительно исторической эпохи, национальной или этнической культуры, а также общественной сферы. Анализируемые объекты могут быть совершенно разными. В этом смысле чешско-немецкий семиотик и лингвист Р.Познер предлагает удачное членение культуры на материальную, ментальную и социальную. Р.Познер рассматривает культуру, во-первых, как совокупность индивидов, взаимоотношения которых регулируют социальные институты («общество»); во-вторых, как совокупность артефактов, созданных в этом обществе («цивилизация»); в-третьих, как систему ценностей, идей и конвенций, предписывающих их применение и отображение [Posner 2003: 53]. Последнюю Р.Познер называет ментальной культурой, или менталитетом. Ментальная культура регулирует социальные взаимоотношения и определяет значения артефактов.

В соответствии с тройственным членением все культурные явления можно разделить на три типа: социофакты — эмпирически воспринимаемые акты социальной культуры; артефакты — предметы материальной культуры, возникающие в результате культурной деятельности человека; а также ментифакты — эмпирически не осязаемые основания ментальной культуры, которыми объясняются деятельность и поведение индивидов, функционирование институтов и актуализация артефактов (см.: [Кузе 2012: 26–29; Куссе 2016: 26–29]).

Исследуя язык, мы обнаруживаем, что он является частью и ментальной, и материальной, и социальной культуры. Как часть материальной культуры язык отражается в устных и письменных текстах. Язык как часть ментальной культуры — это смысловые концепты, которые выражаются в языке и воспринимаются через язык. Поведение в социуме также осуществляется как языковое поведение и речевые акты. Язык, как и культуру, можно рассматривать или как некое целое, названное этнонимом (например, русский язык, немецкий язык), или с позиции его внутреннего членения на различные варианты, опосредованные различными общественными сферами. В такой исследовательской перспективе возможно говорить об официальном (литературном) языке, о языке в рамках социальных институтов (религиозный, политический, научный язык), о языке как отражении пола (в концепции гендерной лингвистики), о языке поколений (например, языке молодежи) и многих других.

Подчеркнем, что для дискурсивного подхода релевантно понимание дискурса как виртуального собрания текстов, посвященных общей теме. Институциональные и тематические дискурсы могут пересекаться. Так, экологический дискурс можно анализировать в разных институциональных дискурсах и говорить об экологии в политике, религии, правовой сфере и т. д., причем пересечения могут быть комплексные.

Культура как идеология

Итак, культура — это продукт, возникший в процессе социально распространяемого знания. Культура — это совокупность социальных практик. Одновременно это границы социальных практик, устанавливаемые ими рамки (ср. напр.: [Spitzmüller 2011: 13]). Культуру следует понимать как процесс социального конструирования (*Kultur als Prozess sozialer Konstruktion*), в котором определенные системы знания, значения и смыслы обеспечивают социальное взаимодействие только в том случае, когда они задают надындивидуальные ориентиры и конструируют идентичности [Antos, Pagner 2003: 396].

Сформулированный так тезис выдвигает в центр внимания понимание культуры как баланс между зафиксированными, стабильными границами, служащими ориентиром для членов одной социальной группы, и гибким подвижным процессом социального взаимодействия. Для участников коммуникации в социальном пространстве культура — устойчивые и зафиксированные в своих границах ценностные представления, или модели должного, и потому она может пониматься как система ориентиров. Значение культуры в социальной проекции состоит в том, что она маркирует одни («свои») форматы деятельности и ее результаты по сравнению с другими («чужими»).

В этой связи культура, а точнее, языковая культура может быть определена как дискурсивно порождаемая идеологическая система ориентиров, в которой одна речевая и коммуникативная практика отличается от другой. В соответствии с таким пониманием разрабатывается ряд новых направлений в социолингвистике — лингвистическая антропология, метапрагматика [Spitzmüller 2013]. Изучается так называемая социальная индексальность как взаимосвязь форм языкового употребления и социально значимых ценностных смыслов.

Возникает вопрос: нужна ли деидеологизация культуры, чтобы достичь большей объективности? Что, собственно, способна добавить деидеологизация в объяснительные возможности в рамках доказательной науки? Ответ на поставленные так вопросы предполагает уточнение самого понятия «идеология». В современном исследовательском контексте выделены две основные позиции. Идеология определяется как совокупность символических репрезентаций — стереотипных представлений, аргументов, которые служат достижению определенных целей внутри отдельно взятых социальных групп. В таком осмыслении идеология характеризует разного рода доктрины, социальные, политические направления и практики для осуществления таких интересов, как марксизм, социализм, фашизм, антисемитизм, маоизм, дарвинизм и т. д.

Идеология определяется также как всеобъемлющее явление, типичное для социально-политической системы в целом и для всех действующих в рамках этой системы: Л. Альтюссер, Р. Барт, М. Фуко, П. Бурдьё (см. обзор в [Blommaert 2005: 158–202]). Понимаемая так идеология покрывает все идеи, воззрения и, значит, культурные проявления в структурном и историческом развитии, не имеет ни положительной, ни отрицательной коннотации. Идеология просто существует, это само собой разумеющееся знание, допущения и пресуппозиции (см. также: [Молодыхенко 2014; 2017]). Это те знания о мире, которые создают определенную ментальную рамку для интерпретации и оценки событий и соответствующих

действий. Идеология создает и поддерживает идентичность социальных групп в их целях, интересах, ресурсах и возможностях социального доминирования. В таком исследовательском акценте идеология анализируется как часть социального контроля и властных отношений, что отчетливо выражено, например, в работах ван Дейка. Ключевой тезис таков: власть актуализируется через социальное знание (socialcognition), власть — это когнитивный контроль (mindcontrol). Осуществление и удержание власти предполагает контроль за идеологиями, ценностями и общественными нормами, манипулирование нормами. В результате знания, убеждения, нормы, ценности и идеология реципиентов формируются в интересах доминирующей группы. Ср.:

ideologies also have cognitive functions... they organize, monitor and control specific group attitudes. Possibly, ideologies also control the development, structure and application of sociocultural knowledge (...). ideologies are not merely 'systems of ideas'... Rather, they are very specific basic frameworks of social cognition, with specific internal structures, and specific cognitive and social functions [van Dijk 1995: 19; 21].

Идеология нацелена на формирование определенной идентичности. Как система ориентиров культура по сути идеологична. В таком понимании невозможно и нецелесообразно ставить вопрос о деидеологизации понятия «лингвокультура». Возвращаясь к представленному выше методологическому разделению дискурсивно-ориентированного и этноориентированного понимания культуры, подчеркнем следующее. Дискурсивная лингвистика исходит из того, что коммуникативные рамки и коммуникативные ситуации в политических, религиозных, научных и других практиках обуславливают процесс идентификации, т.е. формирования и долгосрочного закрепления ценностей. В этом принципиальное отличие от гумбольдтианского подхода, при котором исследователь, основываясь на лексике определенного языка, а также из письменных и устных текстуальных традиций предполагает выводить систему этнических/национальных культурных ценностей.

Культурная маркированность как критерий текстуальности

Исследовательский акцент на культурной специфике как социально и когнитивно обусловленной специфике не является абсолютно новой идеей последних лет. Это определенно продолжение на новом витке текстоцентрических представлений о языке как функционирующей системе. Развитие интерпретативных подходов в лингвистике, пришедших на смену структурным методам, связано с усилением контекстуализации с вовлеченностью в анализ речевых структур все большего количества внешних факторов. Культурная специфика — один из таких экстралингвистических факторов, признаваемых сегодня в качестве ключевого.

Для культурно-ориентированных исследований особенно релевантна лингвистика текста и та ее часть, которая занимается типологией текстов. Лингвистика текста изначально формировалась в междисциплинарном взаимодействии и под влиянием социально-ориентированных теорий. Принципиально значимо, что отчетливый прагматический поворот в науке о языке с конца 1970-х гг. имеет аналогию с лингвистическим поворотом (linguisticturn) в социальных науках, которые стали связывать социологический анализ с текстами. Сначала с анализом отдель-

ных текстов в повседневной коммуникации, например в общении врача и пациента, в политической сфере, с текстами интервью, постепенно расширяя репертуар привлекаемых текстовых типов. Речевая деятельность/тексты, таким образом, рассматривались как составляющая широкого контекста и «сообщества пользователей языка» (community of users) [Hanks 1989].

Типология текста — это та область лингвистического знания, которая наиболее тесно связана с меняющимися взглядами на понимание процессов речевой и — шире — коммуникативной деятельности. Понятие «тип текста» для обозначения культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов с различным тематическим содержанием, делает акцент на целенаправленном выражении типичных языковых и прагматических характеристик в процессе коммуникативной практики. В российской традиции сложилось, как известно, прагматическое изучение речевых жанров, или жанроведение, продолжающее концепцию М. М. Бахтина. Жанр в прагматически ориентированных концепциях описывается в связи с речевыми особенностями высказываний/текстов в типичных ситуациях социального взаимодействия. Это устойчивые модели социокультурной деятельности.

Лингвистика текста и типология текста всегда исходили из того, что каждый носитель языка обладает знаниями о типах текстов (типологической компетенцией), благодаря которой он может идентифицировать тексты одной типологической принадлежности, различать тексты разных типов и узнавать нарушения текстовой нормы, например распознавать неверно написанное объявление о продаже и т. п. В научной статье читатель ожидает получить в определенных сегментах информацию о научной проблеме, результатах, выводах. Текстотипологическая компетенция подразумевает способность не только распознавать, но и создавать тексты в соответствии с коммуникативными нормами. В немецкой лингвистической традиции в этой связи основным является понятие «текстотипологическое знание» (Textsortenwissen, Texttypenwissen; Wissen überglobale Textstrukturen). В англоязычной литературе соответствует термин «суперструктура» (superstructure), по Т. ван Дейку, В. Кинчу и др. Суперструктуры — это знание глобальных коммуникативно-речевых типов. Отметим, что суперструктуры охватывают такие коммуникативно-речевые формы, как рассуждение, аргументация, повествование и др., что существенно шире понятия «тип текста» в немецкой лингвистике.

В современных концепциях культурная специфика текста входит в число критериев текстуальности, дополняя существующую в научном обороте с 1980-х гг. модель текстуальности из семи критериев, по де Богранду и Дресслеру. Это означает признание того факта, что языковая специфика текстов изучается одновременно как культурно-значимая специфика. Участники коммуникации наряду с фоновым энциклопедическим, языковым, нормативным знанием обладают и культурно-специфическим знанием: конвенциональные социокультурные значения отражаются в ментальности субъектов речи и проявляются при формулировании текста в выборе определенных, таких и не иных языковых единиц [Adamzik 2016; Chernyavskaya 2016; Clyne 1987, 1993; Fix 2002; Habscheid, Klein, Fix 2001; Jacobs 1997].

При этом культурная маркированность как признак текстуальности не может быть представлена набором неизменных жестко заданных свойств. Она имеет градуальный характер: культурно-специфические признаки обладают различной степенью валидности и выраженности в разных типах текста. Так, тексты в так называемых интеллектуальных сферах коммуникации имеют преимущественно универсальный характер и содержат минимальное количество национально-специфических характеристик. К числу подобных текстов относятся молитва, загадка, пародия, монография, статья и др. Например, научный текст отражает универсальные черты в своей организации и структуре. При формулировании выбор языковых элементов и форм регулируется среди прочего и социокультурными установками автора. Культурная специфика научного текста выражена минимально по сравнению с текстами повседневного общения — тост, объявление о продаже, заявление, рекомендация, уведомление о неуплате долга, соболезнование и т. п. Это — тексты со значительной выраженностью национально-культурных языковых черт.

Ключевой акцент, который делается лингвистикой текста, в том, что наши знания о текстовых структурах формируются коммуникативным и социальным опытом.

Выводы

В современном исследовательском контексте культура используется как неоднозначное, мозаичное понятие, к которому применимо определение «зонтичный термин». И в таком смысле культура имеет аналогию с другими популярными и привлекательными понятиями — такими как ментальность, идентичность, идеология. Вместе с ними культура становится в ряд терминов с размытыми границами и широкой содержательно-смысловой растяжкой. В этом отражается тенденция лингвистического и — шире — гуманитарного знания к широкому интерпретативному охвату, что может оборачиваться нестрогостью и недоказательностью выводов. Одновременно очевидно, что та мера рефлексивности и конструктивности, которая прослеживается сегодня в использовании понятия «культура», отражает тенденцию к социальному конструктивизму и общую методологическую установку гуманитарных наук учитывать культурно-языковую специфику и социальные ценности при построении разного рода моделей действительности. Операционализация культуры как комплексного явления подчеркивает тенденцию к семиотической комплексности в изучении человеческой деятельности. Происходит дальнейшая прагматизация лингвистического анализа, т. е. расширение объема и количества экстралингвистических параметров, принимаемых во внимание при интерпретации языковых явлений. Эта тенденция выражается на современном этапе в дискурсивном профиле: реальность изучается как совокупность социокультурных практик при возрастающем внимании к семиотическим ресурсам конструирования этих практик. Культура поддается операциональному анализу только и именно как дискурсивный конструкт. Культуру следует понимать как процесс социального конструирования: это продукт, возникший в процессе социально распространяемого надличностного знания. Внутри социальных практик устанавливаются нормы, предпочтения, пресуппозиции, иные ориентиры, принимаемые и разделяемые участниками коммуника-

тивно-речевой деятельности в социуме. Эти границы обеспечивают социальное взаимодействие и сбалансированное равновесие между зафиксированными нормами и гибким подвижным процессом их формирования и изменения.

Литература

- Вежбицкая 2011 — Вежбицкая А. *Семантические универсалии и базисные концепты*. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
- Верещагин, Костомаров 2005 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура*. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
- Гумбольдт 1984. — Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. [Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts]. В кн.: Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 37–297.
- Куссе 2016 — Куссе Х. *Культуроведческая лингвистика. Введение*. [Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung]. Пер. с нем. М. Новоселовой. Казань: Изд-во Казанского федерального университета, 2016. 372 с.
- Молодыченко 2014 — Молодыченко Е. Н. Когнитивное моделирование реализации эмоционального аспекта речевого воздействия. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014, 3 (40): 78–85.
- Молодыченко 2017 — Молодыченко Е. Н. Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2017, 8 (3): 122–133. DOI: 10.18721/Jhss.8312.
- Норман 2018 — Норман Б. Ю. *Прагматический потенциал русской лексики и грамматики*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2018. 464 с.
- Павлова 2013 — Павлова А. В. Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка. В кн.: *От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*. А. В. Павлова (ред.). СПб.: Антология, 2013. С. 160–240.
- Чернявская 2017 — Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017, 49: 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9.
- Чернявская 2018 — Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018, 2: 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
- Adamzik 2016 — Adamzik K. *Textlinguistik: Grundlagen, Kontroversen, Perspektiven*. 2., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. 407 S.
- Agha 2007 — Agha A. *Language and social relations. Ser.: Studies in the Social and Cultural Foundations of Language*; vol. 24. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 427 p.
- Antos, Pogner 2003 — Antos G., Pogner K.-H. Kultur- und domänengeprägtes Schreiben. In: *Handbuch Interkulturelle Germanistik*. Wierlacher A., Bogner A. (Hg.). Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2003. S. 396–400.
- Bendl, Spitzmüller 2017 — Bendl Chr., Spitzmüller J. Rassismus⁴ ohne Rassismus? Ethnoseparatistische Diskurse in sozialen Netzwerken. *Wiener Linguistische Gazette*. 2017, 80: 1–26.
- Blommaert 2005 — Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 299 p.
- Chernyavskaya 2016 — Chernyavskaya V. Cultural Diversity in Knowledge Dissemination: Linguo-Cultural Approach. In: *SGEM 3rd. International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. Albena, Bulgaria*. 22–31 August, 2016. Conference proceedings. 2016. Vol. 2. P. 443–450.
- Clyne 1987 — Clyne M. Cultural differences in the organization of academic text. *Journal of pragmatics*. 1987, 11: 211–247.
- Clyne 1993 — Clyne M. Pragmatik, Textstruktur und kulturelle Werte. In: *Fachtextpragmatik*. Schröder H. (Hg.). Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1993. P. 3–18.
- Fix 2002 — Fix U. Sind Textsorten kulturspezifisch geprägt? Plädoyer für einen erweiterten Textsortenbegriff. Entwicklungstendenzen der deutschen Gegenwartssprache. In: *Akten des X. Internationalen*

- Germanistenkongresses Wien 2000 „Zeitenwende — Die Germanistik auf dem Weg vom 20. ins 21. Jahrhundert“. Bd. 2. Entwicklungstendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Bern [u.a.]: Lang, 2002. P. 173–178.
- Gardt 2003 — Gardt A. Sprachwissenschaft als Kulturwissenschaft. In: *Literaturwissenschaft und Linguistik von 1960 bis heute*. Haß-Zumkehr U., König Ch. (eds). Göttingen: Wallstein, 2003. P. 271–288.
- Goodenough 1964 — Goodenough W.H. Cultural Anthropology and Linguistics. In: *Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology* (ed. by D. Hymes). New York: Harper&Row. 1964. P. 36–39.
- Gordon 1978 — Gordon M. *Human nature, class, and ethnicity*. New York: Oxford University Press, 1978. 302 p.
- Günthner, Linke 2006 — Günthner S., Linke A. Einleitung: Linguistik und Kulturanalyse: Ansichten eines symbiotischen Verhältnisses. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2006, 34 (1–2): 1–27.
- Habscheid, Klein, Fix 2001 — *Zur Kulturspezifik von Textsorten*. Habscheid St., Klein J., Fix U. (Hg.). Tübingen: StauffenburgVerlag, 2001. 289 S.
- Hall 1959 — Hall E. *The silent language*. New York: Doubleday, 1959. 240 p.
- Hanks 1989 — Hanks W.F. Text and Textuality. *Annual Review of Anthropology*. 1989, 18: 95–127.
- Hauck 2006 — Hauck G. *Kultur: Zur Karriere eines sozialwissenschaftlichen Begriffs*. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2006. 226 S.
- Humboldt 1988 — Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. In: Humboldt W. von. *Werke in fünf Bänden*. Bd. 3: Schriften zur Sprachphilosophie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1988. S. 368–756.
- Irvine, Gal 2000 — Irvine J., Gal S. Language ideology and linguistic differentiation. In: *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities*. Kroskryta P. V. (ed.). Oxford: Currey, 2000. P. 35–84.
- Jakobs 1997 — Jakobs E.-M. Textproduktion als domänen- und kulturspezifisches Handeln. In: *Domänen- und kulturspezifisches Schreiben*. Adamzik K., Antos G., Jakobs E.-M. (Hg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. P. 9–30.
- Konersmann 2003 — Konersmann R. *Kulturphilosophie. Zur Einführung*. Hamburg: Junius, 2003. 189 S.
- Kulikova 2011 — Kulikova L. V. Akademische Kulturen in Russland und Deutschland — eine vergleichende Diskursanalyse. In: *Interkulturelle Studien zum osteuropäischen Sprach- und Kulturraum*. Rösch O. (Hg.). Berlin: News&Media, 2011. S. 27–38.
- Kuße 2007 — Kuße H. Positives Bewerten: Diskurssensitive Beispiele aus dem Russischen und Tschechischen. *Zeitschrift für Slawistik*. 2007, 51/2: 138–177.
- Kuße 2012 — Kuße H. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck& Ruprecht, 2012. 319 s.
- Kuße 2014 — Kuße H. Verantwortung — Modelle und argumentative Konzepte eines globalen Werts in Europa. In: *Interkulturalität unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik*. Csaba Földes (Hg.). Tübingen: Narr-Francke-Attempto-Verlag, 2014. S. 109–129.
- Kuße 2015 — Kuße H. Modelle der Verantwortung und der Pflicht. Ansätze zur Wertelinguistik. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2015, 75: 83–120.
- Metten 2014 — Metten T. *Kulturwissenschaftliche Linguistik: Entwurf einer Medientheorie der Verständigung*. Berlin & Boston: De Gruyter, 2014. 481 S.
- Posner 2003 — Posner R. Kultursemiotik. In: *Konzepte der Kulturwissenschaften*. Nünning A., Nünning V. (Hg.). Stuttgart, Weimar: Metzler, 2003. S. 39–72.
- Schindler 2002 — Schindler N. Vom Unbehagen in der Kulturwissenschaft: Eine Polemik. Historische Anthropologie. *Kultur — Gesellschaft — Alltag*. 2002, 10 (2): 276–294.
- Schirato, Yell 2000 — Schirato T., Yell S. *Communication and culture: An introduction*. London, Thousand Oaks & New Delhi: Sage, 2000. 204 p.
- Spitzmüller 2007 — Spitzmüller J. Sprache und Identität: Warum die Anglizismen die Gemüter erhitzen. *Muttersprache*. 2007, 117 (3): 185–198.
- Spitzmüller, Warnke 2011 — Spitzmüller J., Warnke I. *Diskurslinguistik: Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin & Boston: De Gruyter, 2011. 236 S.
- Spitzmüller 2013 — Spitzmüller J. Metapragmatik, Indexikalität, soziale Registrierung: Zur diskursiven Konstruktion sprachideologischer Positionen. *Zeitschrift für Diskursforschung*. 2013, 1 (3): 263–287.

- Spitzmüller 2017 — Spitzmüller J. ‚Kultur‘ und das ‚Kulturelle‘: Zur Reflexivität eines begehrten Begriffs. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2017, 67: 3–23.
- van Dijk 1995 — van Dijk T. Discourse analysis as ideology analysis. In: *Language and Peace*. Schäffner C., Wenden A. (eds.). Aldershot: Dartmouth. 1995. P. 17–33.

Статья поступила в редакцию 27 сентября 2018 г.

Статья рекомендована в печать 28 января 2019 г.

Kuße Holger

Technische Universität Dresden, D-01062, Germany
holger.kusse@tu-dresden.de

Chernyavskaya Valeria Evgenievna

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University,
19, Politechnicheskaja ul., St. Petersburg, 196135, Russia
tcherniavskaia@rambler.ru

Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics

For citation: Kuße H., Chernyavskaya V.E. Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (3): 444–462. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.307> (In Russian)

The article reviews various culture theories and analyses the ways these can be operationalized in discourse linguistics. Culture is seen as a complex and multifaceted category that includes material, social, and mental culture, i.e. ‘things’, ‘behaviour’, and ‘values’, ‘knowledge’, ‘mentality’ and so forth. The understanding of culture is intertwined with that of language. Therefore we show that the notion of ‘culture’ is the object of investigation of cultural linguistics (kulturwissenschaftliche Linguistik) and discourse linguistics. Linguistic studies investigating the relationship between the language(s) and culture(s) can distinguish two methodological approaches. One of the approaches is associated with the name of Wilhelm von Humboldt. This approach presents the language primarily as an ethnic or national language while understanding culture as one whole ethnic and national phenomenon. They are supposed to be in direct linguistic and mental interrelationship. Humboldt trend in the Russian linguistics is also called linguoculturology studies. In contrast, the discourse-linguistic approach is associated with discourse-mediated culturological linguistics. It describes ethnic/national languages in terms of discourses. We take the position of discourse oriented cultural linguistics that presumes that the discourses overlay ethnic/national languages, i.e. they have rules that are not ethnic or national. We consider the explanatory charge and theoretical implications of discourse oriented cultural linguistics. In the framework of the ideological contextualization of ‘culture’ we discuss the notions of ideology and identity. The performance of cultural identity is not a matter of articulating one identity/one culture, but of the operationalization of a repertoire of culture specific features in discourse practice.

Keywords: cultural linguistics, discourse linguistics, Wilhelm von Humboldt, ideology, identity.

References

- Вежбицкая 2011 — Wierzbicka A. *Semantic universals and conceptual primes*. Moscow: Iazykislavianskikhkult'ur Publ., 2001. 568 p. (In Russian)
- Верещагин, Костомаров 2005 — Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Language and Culture*. Moscow: Indrik Publ., 2005. 1038 p. (In Russian)

- Гумбольдт 1984 — Humboldt W. von. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind. In: Humboldt W. von. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiu*. Transl. from German by G. V. Ramishvili. Moscow: Progress Publ., 1984. P. 37–297. (In Russian)
- Кусце 2016 — Kuße H. *Cultural Linguistics*. Transl. from German by M. Novoselova. Kazan: Kazan Federal University Press, 2016. 372 p. (In Russian)
- Молодыченко 2014 — Molodychenko E. N. Cognitive modelling of emotion-targeted persuasion. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. 2014, 3 (40): 78–85. (In Russian)
- Молодыченко 2017 — Molodychenko E. N. Identity and Discourse: From Social Theory to Practice of Discourse Analysis. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 2017, 8 (3): 122–133. DOI: 10.18721/Jhss.8312. (In Russian)
- Норман 2018 — Norman B. Iu. *The pragmatic potential of Russian lexis and grammar*. Yekaterinburg; Moscow: Armchair Scientist Publ., 2018. 464 p. (In Russian)
- Павлова 2013 — Pavlova A. V. About culture and Mentality. In: *Otlingvistiki k mifu*. Pavlova A. V. (ed.). St. Petersburg: Antologiya Publ., 2013. P. 160–240. (In Russian)
- Чернявская 2017 — Chernyavskaya V. E. Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-driven Linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Philologiya*. 2017, 49: 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9. (In Russian)
- Чернявская 2018 — Chernyavskaya V. E. Discourse analysis and corpus approaches: a missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. 2018, 2: 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37. (In Russian)
- Adamzik 2016 — Adamzik K. *Textlinguistik: Grundlagen, Kontroversen, Perspektiven*. 2., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. 407 S.
- Agha 2007 — Agha A. *Language and social relations*. Ser.: Studies in the Social and Cultural Foundations of Language; vol. 24. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 427 p.
- Antos, Pogner 2003 — Antos G., Pogner K.-H. Kultur- und domänengeprägtes Schreiben. In: *Handbuch Interkulturelle Germanistik*. Wierlacher A., Bogner A. (Hg.). Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2003. S. 396–400.
- Bendl, Spitzmüller 2017 — Bendl Chr., Spitzmüller J. ‚Rassismus‘ ohne Rassismus? Ethnoseparatistische Diskurse in sozialen Netzwerken. *Wiener Linguistische Gazette*. 2017, 80: 1–26.
- Blommaert 2005 — Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 299 p.
- Chernyavskaya 2016 — Chernyavskaya V. Cultural Diversity in Knowledge Dissemination: Linguo-Cultural Approach. In: *SGEM 3rd. International Multidisciplinary Conference on Social Sciences and Arts. Albena, Bulgaria. 22–31 August, 2016. Conference proceedings*. 2016. Vol. 2. P. 443–450.
- Clyne 1987 — Clyne M. Cultural differences in the organization of academic text. *Journal of pragmatics*. 1987, 11: 211–247.
- Clyne 1993 — Clyne M. Pragmatik, Textstruktur und kulturelle Werte. In: *Fachtextpragmatik*. Schröder H. (Hg.). Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1993. S. 3–18.
- Fix 2002 — Fix U. Sind Textsorten kulturspezifisch geprägt? Plädoyer für einen erweiterten Textsortenbegriff. Entwicklungstendenzen der deutschen Gegenwartssprache. In: *Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses Wien 2000 „Zeitenwende — Die Germanistik auf dem Weg vom 20. ins 21. Jahrhundert“*. Bd. 2. Entwicklungstendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Bern [u.a.]: Lang, 2002. S. 173–178.
- Gardt 2003 — Gardt A. Sprachwissenschaft als Kulturwissenschaft. In: *Literaturwissenschaft und Linguistik von 1960 bis heute*. Haß-Zumkehr U., König Ch. (eds.). Göttingen: Wallstein, 2003. S. 271–288.
- Goodenough 1964 — Goodenough W. H. Cultural Anthropology and Linguistics. In: *Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology* (ed. by D. Hymes). New York: Harper&Row, 1964. P. 36–39.
- Gordon 1978 — Gordon M. *Human nature, class, and ethnicity*. New York: Oxford University Press, 1978. 302 p.
- Günthner, Linke 2006 — Günthner S., Linke A. Einleitung: Linguistik und Kulturanalyse: Ansichten eines symbiotischen Verhältnisses. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2006, 34 (1–2): 1–27.
- Habscheid, Klein, Fix 2001 — *Zur Kulturspezifität von Textsorten*. Habscheid St., Klein J., Fix U. (Hg.). Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2001. 289 S.

- Hall 1959 — Hall E. *The silent language*. New York: Doubleday, 1959. 240 p.
- Hanks 1989 — Hanks W.F. Text and Textuality. *Annual Review of Anthropology*. 1989, 18: 95–127.
- Hauck 2006 — Hauck G. *Kultur: Zur Karriere eines sozialwissenschaftlichen Begriffs*. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2006. 226 S.
- Humboldt 1988 — Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. In: Humboldt W. von. *Werke in fünf Bänden*. Bd. 3: Schriften zur Sprachphilosophie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1988. S. 368–756.
- Irvine, Gal 2000 — Irvine J., Gal S. Language ideology and linguistic differentiation. In: *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities*. Kroskirty P. V. (ed.). Oxford: Currey, 2000. P. 35–84.
- Jakobs 1997 — Jakobs E.-M. Textproduktion als domänen- und kulturspezifisches Handeln. In: *Domänen- und kulturspezifisches Schreiben*. Adamzik K., Antos G., Jakobs E.-M. (Hg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. S. 9–30.
- Konersmann 2003 — Konersmann R. *Kulturphilosophie. Zur Einführung*. Hamburg: Junius, 2003. 189 S.
- Kulikova 2011 — Kulikova L. V. Akademische Kulturen in Russland und Deutschland — eine vergleichende Diskursanalyse. In: *Interkulturelle Studien zum osteuropäischen Sprach- und Kulturraum*. Rösch O. (Hg.). Berlin: News&Media, 2011. S. 27–38.
- Kuße 2007 — Kuße H. Positives Bewerten: Diskursensitive Beispiele aus dem Russischen und Tschechischen. *Zeitschrift für Slawistik*. 2007, 51/2: 138–177.
- Kuße 2012 — Kuße H. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck& Ruprecht, 2012. 319 S.
- Kuße 2014 — Kuße H. Verantwortung — Modelle und argumentative Konzepte eines globalen Werts in Europa. In: *Interkulturalität unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik*. Csaba Földes (Hg.). Tübingen: Narr-Francke-Attempo-Verlag, 2014. S. 109–129.
- Kuße 2015 — Kuße H. Modelle der Verantwortung und der Pflicht. Ansätze zur Wertelinguistik. *Wiener Slawistischer Almanach*. 2015, 75: 83–120.
- Metten 2014 — Metten T. *Kulturwissenschaftliche Linguistik: Entwurf einer Medientheorie der Verständigung*. Berlin & Boston: De Gruyter, 2014. 481 S.
- Posner 2003 — Posner R. Kultursemiotik. In: *Konzepte der Kulturwissenschaften*. Nünning A., Nünning V. (Hg.). Stuttgart, Weimar: Metzler, 2003. S. 39–72.
- Schindler 2002 — Schindler N. Vom Unbehagen in der Kulturwissenschaft: Eine Polemik. *Historische Anthropologie. Kultur — Gesellschaft — Alltag*. 2002, 10 (2): 276–294.
- Schirato, Yell 2000 — Schirato T., Yell S. *Communication and culture: An introduction*. London, Thousand Oaks & New Delhi: Sage, 2000. 204 p.
- Spitzmüller 2007 — Spitzmüller J. Sprache und Identität: Warum die Anglizismen die Gemüter erhitzen. *Muttersprache*. 2007, 117 (3): 185–198.
- Spitzmüller, Warnke 2011 — Spitzmüller J., Warnke I. *Diskurslinguistik: Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin & Boston: De Gruyter, 2011. 236 S.
- Spitzmüller 2013 — Spitzmüller J. Metapragmatik, Indexikalität, soziale Registrierung: Zur diskursiven Konstruktion sprachideologischer Positionen. *Zeitschrift für Diskursforschung*. 2013, 1 (3): 263–287.
- Spitzmüller 2017 — Spitzmüller J. ‚Kultur‘ und das ‚Kulturelle‘: Zur Reflexivität eines begehrten Begriffs. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2017, 67: 3–23.
- van Dijk 1995 — van Dijk T. Discourse analysis as ideology analysis. In: *Language and Peace*. Schäffner C., Wenden A. (eds.). Aldershot: Dartmouth. 1995. P. 17–33.

Received: September 27, 2018

Accepted: January 28, 2019